

Двойной портрет
Алексей Яблоков и Борис Вепринцев

Н.Л. Крушинская

Мы гости в этом мире и никак не хозяева

А. Яблоков

На своем жизненном пути я встретила двух необыкновенно ярких, самобытных, целеустремленных людей: Бориса Николаевича Вепринцева, бывшего моим мужем, и Алексея Владимировича Яблокова, в лаборатории которого я работала более 20 лет. Их объединяла одна идея - охрана природы и сохранение исчезающих видов животных на Земле. С фанатичной настойчивостью и колоссальной энергией они всю жизнь боролись за сохранение окружающей среды в условиях угрожающего «ускорения технического прогресса».

Жизненные пути этих двух неординарных людей были во многом сходны: КЮБЗ (Кружок юных биологов зоопарка), Университет, увлекающая их научная работа в академических институтах. Но в силу сложившихся жизненных ситуаций на долю Б. Н. Вепринцева выпало немало тяжелых испытаний: четырехлетнее пребывание в сталинских лагерях, запрет на выезд за границу после освобождения, невозможность прямого общения с зарубежными коллегами по совместно проводимой работе, тяжелая болезнь, возникшая как следствие пребывания в ГУЛАГе.

Научная карьера А. В. Яблокова – «идеальная прямая», как выразился корреспондент журнала «Профиль» Б. Жуков. Действительно, как говорил сам А. Яблоков: «я человек везучий». Внешность А.В. Яблокова, манера поведения заявляли о его «везучести». Он был высокого роста, красивый, самоуверенный, стремительный, всегда выглядел победителем. Б.Н. Вепринцев был меньше ростом, астеничного сложения, застенчивый, часто краснел и, в отличие от Яблокова, производил впечатление неуверенного в себе человека. Но при всей внешней несхожести, при близком общении с

ними в течение длительного времени на первый план рельефно выступали общие особенности их характеров

Оба были людьми эмоционального склада, страстными натурами. При этом они обладали повышенным интересом к окружающему их миру, любознательность их была невероятно высока. Б.Н. и А.В. отличала удивительная целеустремленность, достижение поставленной перед собой цели захватывало их всецело, и они умели преодолевать все преграды на своем пути. Вокруг них постоянно кипела жизнь, и большинство людей невольно втягивались в водоворот их бурной деятельности. При этом и А. В. и Б.Н. обладали особым обаянием, которое притягивало к ним людей. Возможно, оно складывалось из свежести восприятия мира, детской непосредственности; они видели мир прекрасным, требующим защиты и охраны, что и определило направление их деятельности.

Еще будучи школьниками Алексей Яблоков и Борис Вепринцев стали активными членами КЮБЗа. Идея сохранения жизни на Земле пропагандировалась в России в трудах А. Н. Формозова, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова. Их идеи и легли в основу создания КЮБЗа и ВООПа (Всероссийского общества охраны природы). Создателями КЮБЗа были: П. А. Мантейфель, М. М. Завадовский, К. Н. Благодослов, П. П. Смолин.

Алексей вступил в члены КЮБЗа в 6-м классе, ему тогда было только 12 лет, а принимали в кружок по правилам с 8-го класса. Молоденькому новичку поручили наблюдение за лисами. Алексей подошел к этому заданию с полной ответственностью, часами наблюдал за их поведением и проводил тщательные записи. Но живой, кипучий характер Алексея не соответствовал длительному, неподвижному сидению у вольеры с лисятами, хотя это поначалу его занимало. В нем изначально было заложено стремление к лидерству. В скором времени Алексей включился в организационную деятельность КЮБЗа, а в 16 лет он стал его председателем. В этот период руководителем кружка был высокообразованный зоолог и талантливый, неутомимый воспитатель молодого поколения биологов Петр Петрович Смолин. В результате конфликтной ситуации, возникшей с руководством зоопарка, Петр Петрович оставил руководство КЮБЗом. Вместе со Смолиным ушел из кружка Алексей Яблоков и стал участвовать в организации юношеской секции Всероссийского общества охраны природы под руководством П.П. Смолина. Вскоре Алексей стал председателем созданного

общества. В издательстве этого общества в 1958 г. под названием «Что такое охрана природы и почему она нужна для нашей страны» вышла первая брошюра Алексея Яблокова в соавторстве с известным ботаником Г.Г. Боссэ. Это были первые его шаги на поприще охраны природы.

Борис Вепринцев вступил в члены КЮБЗа тоже в юном возрасте 12 летним мальчиком, в 1939 году. Грегор (Гриша) Курелла, друг Бориса, вспоминает, что Бориса сначала не хотели принять в члены кружка по возрасту. Но после того как Борис сделал содержательный и интересный доклад по поведению и размножению живородящих аквариумных рыб (гуппи и меченосцев) его досрочно приняли в действительные члены кружка. Если до этого к Борису его старшие (на 4-5 лет) товарищи относились с легким пренебрежением, то после доклада он стал равноправным членом Кюбза, его мнение выслушивали и на бесконечные вопросы отвечали. В тот период руководил кружком Константин Николаевич Благосклонов. Под руководством Константина Николаевича (КНБ, как его называли кюбзовцы), организовывались коллективные выезды в выходные дни за город в д. Языково по Савеловской железной дороге. Эти выезды, как пишет Курелла, для будущих биологов были великой школой, КНБ научил их ходить «зрячими» по лесам и лугам. В этих поездках особую любознательность проявлял Борис, хотя взрослые его товарищи без всякого желания брали его в длительные и утомительные поездки. За Борисом закрепилось прозвище «Буби», он был младшим, еще не вполне физически окрепшим мальчиком. Он рос без отца: Николай Александрович Вепринцев с 1932 года находился в сталинских лагерях; семья жила впроголодь, и матери Бориса, Зинаиде Михайловне, приходилось работать в две смены, чтобы прокормить Борю и двух его старших сестер. Но Борис не сдавался и ездил с кюбзовцами. В поездках он не давал покоя Грише и просил говорить с ним только по-немецки, поскольку Гриша имел немецкие корни и знал язык в совершенстве; эти «уроки немецкого» Гришу совсем не радовали, но что поделаешь, «малыш просит». К. Н. Благосклонов по-отечески покровительствовал Борису. Эти теплые отношения между ними сохранялись всю жизнь.

Помимо КЮБЗа, Борис с друзьями ходили на заседания секции МОИП. Огромное впечатление на Бориса произвел доклад замечательный зоолога и орнитолога А. Н. Промптова, который состоялся в 1940 году в Большой

зоологической аудитории МГУ на Моховой. В конце лекции Промптов предложил прослушать запись голосов птиц в природе, сделанную Людвигом Кохом и свою запись соловья, произведенную на мягких дисках рентгеновской пленки. С этого дня Борисом овладела навязчивая мысль собрать коллекцию песен разных видов птиц.

Совершенно естественно, что увлеченные биологи, кубзовцы, Алексей Яблоков и Борис Вепринцев после окончания школы поступили на биофак МГУ, на кафедру зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных: Борис в 1947 году, Алексей в 1951.

Годы, проведенные Алексеем Яблоковым в университете на кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных, были плодотворными и интересными. Первыми учителями и наставниками Яблокова были выдающиеся ученые морфологи, ученики А. Н. Северцова: Борис Степанович Матвеев и Александр Николаевич Дружинин. Под их руководством Яблоков выполнил курсовую и дипломную работы. С большой теплотой и благодарностью Алексей вспоминал о своих первых руководителях. Еще до окончания университета в 1956 году Алексей Яблоков начал работать в лаборатории морфологии морских млекопитающих Института морфологии животных (ИМЖ), руководил которой один из ведущих отечественных специалистов по морским млекопитающим профессор С. Е. Клейненберг. Алексей принимал участие в экспедициях на Белом море по сбору научных материалов, которые вошли в его дипломную работу – «морфология дельфина белухи». Алексей с увлечением погружался в постижение научных проблем зоологии. Но как гром среди ясного неба вышел приказ по университету перевести с биолого-почвенного факультета группу студентов на химический факультет; в эту группу вошли: Алексей Яблоков, Сергей Розанов, Олег Орлов, Виталий Троицкий. Постановление коснулось и других факультетов: географического и геологического. При химическом факультете было организовано специальное закрытое отделение по радиохимии. Алексею Яблокову около года пришлось одновременно посещать занятия на химическом и на биолого-почвенном факультетах и на обоих сдавать экзамены и зачеты. Переведенная группа студентов отчаянно боролась за возвращение на родной факультет и через год добилась своего: они вернулись на биофак.

Впервые я встретила Алексея Яблокова на биофаке, где мы оба учились: Алексей – на кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных (на курс старше меня), я – на кафедре физиологии человека и животных. Я его помню на старших курсах, когда мы уже переехали в новое здание университета на Ленинских горах в 1953 году. Первое впечатление от Алексея - активный, энергичный, сосредоточенный высокий рыжеволосый студент. Обычно я его видела стремительно перемещающегося по коридорам биофака или в нашем буфете на втором этаже, где он обедал со своей женой, красивой и строгой Элей Бакулиной, под знаменитой на факультете картиной «Девушка на лесозаготовках» – красивая румяная дивчина с пилой на плечах. Эта картина была мишенью едких студенческих острот. Алексей, в студенческие годы был активным членом бюро комсомола факультета, студенты в шутку называли его «кусок комсомольского гранита» за его кипучую комсомольскую деятельность. Лично мы с Алексеем в тот период близко не общались.

На первых курсах университета Борис Вепринцев увлеченно входил в научную жизнь биофака. Стремился общаться с профессурой факультета, участвовать в экспедициях. Зимой 1949 г. он один поехал на Белое море, на Беломорскую биостанцию МГУ, где проводил интересные наблюдения за образом жизни лебедей и других водоплавающих птиц, остающихся там на зимовку, сделал много уникальных фотографий. Однажды он заблудился, не мог выйти к биостанции, упал в снег и стал замерзать; к счастью, его нашел местный рыболов и спас его. В силу своего сверх активного, страстного характера он не раз оказывался в подобных критических ситуациях. Доклад Бориса об итогах наблюдений за зимующими водоплавающими птицами Белого моря, сделанный на зоологическом семинаре, вызвал интерес и получил высокую оценку профессора А. Н. Формозова.

Свою курсовую работу по ориентации почтовых голубей Борис начал в Останкино на Пушкинской Зоологической станции под руководством Леонида Викторовича Крушинского, моего отца. После сессии ВАСХНИЛ 1948 года и разгрома генетики отец остался безработным, поскольку кафедру динамики развития организма, где он работал, ликвидировали, и всех сотрудников, во главе с заведующим кафедрой академиком М. М. Завадовским, сократили. Отец не падал духом в экстремальных ситуациях. Он договорился с орнитологом В. Ф. Ларионовым, заведующим Пушкинской

зоостанцией, о проведении своих генетических работ на базе этой станции. В. Ф. Ларионов, занимался селекцией почтовых голубей для демонстрации их на открытии фестиваля молодежи и студентов в Москве. Так, под прикрытием фестиваля, отец продолжал свои генетические исследования. Л. В. организовал в Останкино научные семинары для студентов. Студенты биофака с удовольствием ездили в этот живописный уголок тогда пригорода Москвы, где укрылась «от бурь столицы вдалеке» группа ученых: проф. В. В. Попов, Г. П. Дементьев, Чельцов-Бебутов и др. На одном из семинаров в лаборатории Леонида Викторовича выступил Борис Вепринцев с докладом о проблеме ориентации птиц. Доклад произвел на Л.В. хорошее впечатление и Борис начал работать на почтовых голубях под его руководством. Отец однажды мне сказал, что в Останкине появился выдающийся студент: «такого интересного и увлеченного студента мне еще не приходилось встречать; я уверен, что он станет настоящим ученым». Но, увы, начатая Борисом работа не была завершена. Летом 1951г. Бориса арестовали. Борис был осужден на 10 лет «за террористическую деятельность» по 58 статье. Арест Бориса не был случайным для того времени, он входил в группу риска, поскольку был сыном репрессированного бывшего революционера Николая Александровича Вепринцева (Петербуржца). Н.А. Вепринцев работал в Баку вместе со Сталиным. Однажды между ними возникла ссора, и как гласит предание, Н.А. в запальчивости столкнул «Сосо» с лестницы. Сталин этого не забыл и в 1932г. Н.А. был арестован. Отсидев в лагере 10 лет, он умер в 1941 году в ссылке. Вопреки знаменитой фразе Иосифа Сталина «сын за отца не отвечает» Борис Вепринцев отсидел за отца в лагере, расположенном в г. Междуреченске Кемеровской области 4 года. Борис просил присылать ему в лагерь учебники и книги по биологии. Эту трудную миссию взял на себя Л. В. Крушинский. Книги приходили вместе с продуктовой посылкой. У Бориса всю жизнь хранились, присланные отцом книги: Гексли и де Бера «Экспериментальная эмбриология, А. Лотке «Математическая биофизика» (на английском языке). Неуемное стремление Бориса к самообразованию не покинуло его и в лагере. Старшими его товарищами по камере оказались представители российской интеллектуальной элиты: историк Лев Николаевич Гумилев и Марк Израилевич Казанин, востоковед, окончивший Кембриджский университет. Они, как могли, покровительствовали молодому пылкому, любознательному студенту, попавшему, как и они сами в беду. Общение с этими людьми духовно и интеллектуально его обогатили. Борис

выучил английский и немецкий языки. С этими и другими выдающимися людьми, отбывающими срок в ГУЛАГе, у Бориса остались теплые дружеские отношения на всю жизнь.

После смерти Сталина Бориса освободили. За освобождение Бориса хлопотал друг и соратник по работе Николая Александровича Вепринцева, Глеб Максимильянович Кржижановский. Бориса реабилитировали и восстановили в университете. Но вернуться на свою родную кафедру зоологии позвоночных он не смог. Заведующий кафедрой Н. П. Наумов не взял его на кафедру, сославшись на отсутствие точности формулировок в документах, касающихся разрешения органов безопасности продолжать Борису учебу на биофаке. Борис вспылал и сразу подал заявление с просьбой о своем зачислении на кафедру биофизики, заведовал которой Б. Н. Тарусов. Бориса зачислили на кафедру на четвертый курс. Программа кафедры зоологии позвоночных, действующая в 1951г., и кафедры биофизики в 1955г. существенно различались. Б. Н. Тарусов поставил перед Борисом условие - сдать всю «разницу» до конца 4-го курса. Борису такая нагрузка была очень тяжела, поскольку после возвращения из ГУЛАГа он был физически истощен, нервное напряжение было на пределе. Тем не менее, он вовремя сдал зачеты и экзамены по всем предметам за все 4 курса. Мы с Борисом Вепринцевым поженились в 1955, когда я училась еще на третьем курсе, Борис, соответственно, – на четвертом, поэтому, я была свидетельницей его невероятных усилий и напряжения во время подготовки и своевременной сдачи экзаменов. Как вспоминает друг Бориса Гриша Курелла, работавший на кафедре биофизики, Борис быстро адаптировался, влился в коллектив и с интересом вникал в проблемы биофизических исследований, которыми занимались на кафедре молодые ученые: Лева Чайлахян, Юра Аршавский, Феликс Литвин, Юра Владимиров, Сергей Ковалев (впоследствии известный российский правозащитник).

После окончания университета в 1956 году Борис был оставлен в аспирантуре на кафедре биофизики. В 1961 году он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Кенетика электрических параметров нервного импульса при различных температурах». На последних курсах университета Борис вернулся к своему, не проходящему увлечению - записи голосов птиц, которое зародилось у него в 12 летнем возрасте, во время прослушивания записи песни соловья, сделанной орнитологом А. Н. Промптовым. С этого

дня Борис решил, что будет коллекционировать голоса разных видов животных. Со свойственным ему упорством он начал осуществлять эту идею. На заработанные деньги за перевод книги для издательства «Мир» об искусственном осеменении крупного рогатого скота замороженной спермой, он купил магнитофонную приставку и записал песню соловья, жившего в клетке у знакомого профессора египтолога Всеволода Владимировича Павлова. Запись была далека от совершенства, но «лиха беда начала». Соединив старый патефон с магнитной приставкой, Борис сделал свои первые записи песен подмосковных птиц на Звенигородской биостанции. Помогал Борису его друг Юра Смирин. Им посчастливилось записать песню глухаря на токовище за Мелеевским оврагом около биостанции. Звукозаписывающее это устройство весило 30 кг и постоянно ломалось. Борису, наконец, удалось получить разрешение временно пользоваться профессиональным магнитофоном «Репортер-2», принадлежавшим Дому культуры МГУ. С этим портативным магнитофоном Борис сделал свои первые вполне профессиональные записи голосов птиц в природе. Эти записи были продемонстрированы Борисом в 1959г. на Всесоюзной орнитологической конференции. В том же году записи голосов птиц впервые были переданы в эфир по каналу Би-Би-Си. Большую помощь в трудном деле записи голосов птиц Борису оказывал его друг, известный журналист и писатель Василий Михайлович Песков. Он написал о Борисе воспоминание - «Окно в природу: микрофон на берёзе».

Воля к победе, стремительность и напор победили все препятствия стоящие на пути издания пластинки с голосами птиц. Осенью 1960 года Всесоюзная студия грамзаписи Министерства культуры СССР выпустила долгоиграющую пластинку под названием «Голоса птиц в природе». Это событие для Бориса было настоящим счастьем! Студенческие годы и аспирантура для Бориса Вепринцева были полны событий как трагических – четырехлетнее пребывание в ГУЛАГе, так и очень счастливых, воплощающих его детскую страстную мечту – выпуск пластинок с записью голосов птиц.

Алексей Яблоков, преодолев, возникающие на его пути препятствия, перевод на химический факультет и принудительное распределение в школу, успешно окончил университет в 1956г. На пятом курсе в силу своего бойцового характера он написал статью в факультетскую стенгазету с протестом против чтения лекций сподвижником пресловутого Лысенко

профессором Дворянкиным, который заведовал кафедрой дарвинизма. В конце пятидесятых годов лысенковское мракобесие в генетике еще имело силу. Выходку Яблокова рассматривали на комитете комсомола, объявили выговор, но из комсомола не исключили. Эта история создала трудности при его распределении. Но с помощью Сергея Евгеньевича Клейненберга, у которого Алексей начал работать ещё студентом, Алексея зачислили лаборантом в Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР, в лабораторию морфология морских млекопитающих. Он стал работать под руководством С. Е. Клейненберга. Начало своей научной деятельности Яблоков посвятил изучению биологии морских млекопитающих. В 1959 году он защитил кандидатскую диссертацию «Морфологические особенности белухи, как представителя зубатых китообразных». В шестидесятые годы А. Яблоков участвует в многочисленных экспедициях, собирая морфологический материал на китобойных станциях на Курильских островах, на Чукотке, на промыслах тюленей в Баренцевом, Белом, Беринговом и Охотском морях. А. Яблокова интересовали многие проблемы функциональной морфологии морских млекопитающих, различные аспекты их биологии, а также промысла этих видов млекопитающих. В 1964 г. выходит монография А. В. Яблокова в соавторстве с С. Е. Клейненбергом, В. М. Бельковичем и М. Н. Тарасевич – «Белуха. Опыт монографического исследования вида». В 1966 г. Яблоков защищает докторскую диссертацию: «Опыт изучения популяционной изменчивости строения органов млекопитающих». Собирая морфологический материал по китам и дельфинам на китобойных станциях северных морей и знакомясь с документацией добычи китов, Алексей Яблоков был поражен хищническим уничтожением китообразных, и пришел к мысли, что уничтожение этих уникальных млекопитающих – вопиющее варварство недостойное человека разумного. В 1965г. А.В. Яблоковым, В.М. Бельковичем и С.Е. Клейненбергом была опубликована научно-популярная книга «Загадки океана». Вся книга была пронизана идеей защиты китообразных: «Промысел дельфинов...варварство и кощунство. Он должен быть прекращен немедленно» – вот итог этой полной гуманизма книги. Книга «Загадки океана» пользовалась большой популярностью, она была переведена на многие языки. В связи с её выходом стали поступать письма граждан в различные органы власти с просьбой прекратить промысел дельфинов. Под напором общественного мнения был подписан приказ министра рыбного

хозяйства СССР «О введение запрета добычи дельфинов в Азово-Черноморском бассейне». Так благодаря популярной книге, написанной с искренним стремлением помочь нашим «меньшим братьям» удалось добиться того, что не удавалось достичь многочисленными научными обоснованиями, обращенными к правительству.

Многие годы и десятилетия А.В. Яблоков вместе с другими специалистами разных стран по морским млекопитающим добивались прекращения коммерческого промысла крупных китов в мировом океане. В 1982г. Международная китобойная комиссия приняла, наконец, мораторий на коммерческий китобойный промысел.

В 1967г. произошло разделение Института морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР на Институт биологии развития им. Н.К. Кольцова АН СССР (ИБР) и Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (ИЭМЭЖ). А.В. Яблоков в 1969 г. возглавил лабораторию постнатального онтогенеза Института биологии развития им. Кольцова АН СССР после кончины Сергея Евгеньевича Клейненберга.

В 1967г. я перешла из Университета, где работала ассистентом на кафедре физиологии высшей нервной деятельности, в Институт биологии развития в лабораторию морфологии морских млекопитающих еще при жизни Сергея Евгеньевича Клейненберга. Там я снова познакомилась с А.В. Яблоковым. Со студенческих лет он сильно изменился, у него теперь была шкиперская борода, которая ему очень шла, выглядел импозантным молодым преуспевающим ученым. Во время первого разговора он смотрел на меня пристальным изучающим взглядом, задал несколько быстрых резких вопросов, и аудиенция закончилась. От этих «блиц» вопросов мне стало не по себе, особенно после спокойных доброжелательных бесед с С.Е. Клейненбергом.

Я стала работать в группе моего однокурсника В.М. Бельковича, сотрудника той же лаборатории, которая занималась изучением эхолокационных возможностей дельфинов. Мне предстояло заняться модной в те годы бионикой. Финансировались эти работы военной организацией и были строго засекречены. Целью исследований было создание прибора, сконструированного по принципу действия локационного аппарата дельфинов для распознавания военных подводных объектов.

Непосредственной нашей задачей с сотрудниками лаборатории Ириной Дмитриевой и Вячеславом Борисовым была тренировка дельфинов по различению ими подводных фигур «объектов» с помощью локационного аппарата. Дельфины легко справлялись с этой задачей, распознавая предлагаемые им различной конфигурации объекты. Работа эта проводилась на военной базе в Пицунде, на берегу Черного моря. Для нас экспериментаторов и для умненьких дельфинов работа казалась скучной и однообразной. Развлекались мы с дельфинами игрой в мячик и совместным плаванием. Обхватишь дельфина руками и ногами, и он носит тебя на приличной скорости вокруг бассейна. Никогда никакой агрессии, недоброжелательства они по отношению к нам не проявляли. Милейшие создания, ласковые, веселые, сообразительные. Как только рука поднималась убивать такое чудо природы!

В бассейне в результате отловов дельфинов образовалось стабильное разнополое и разновозрастное сообщество, между членами которого установились многообразные социальные взаимоотношения. Мне интересно было наблюдать за их отношениями, способами социализации с человеком. На западе проблема социальных взаимоотношений разных видов животных широко изучалась. На основании своих наблюдений и привлечения литературы на эту тему мы с Всеволодом Бельковичем, и работавшим тогда с дельфинами Владимиром Гуревичем, опубликовали в журнале «Природа» 1969г. статью «Поведение дельфинов в неволе».

Работая в лаборатории, руководителем которой был тогда А. В. Яблоков, мы, конечно, общались, но не часто. Работу нашей группы по изучению эхолокации у дельфинов он обсуждал с В.М. Бельковичем, но ни разу не посетил базу, где содержались подопытные дельфины и проводились опыты. Яблокова я обычно заставляла в его малюсеньком кабинете (бывшая дворницкая) за пишущей машинкой, мне казалось, что он и машинка это одно целое. Во время разговора, он не переставал стучать по клавишам как дятел, не поворачивая головы. Поэтому я старалась ограничить свои посещения шефа. Но после публикации статьи «Групповые взаимоотношения дельфинов в неволе» в журнале «Природа» отношение его ко мне изменилось в лучшую сторону, он меня стал, как говорится, «отличать от стенки», до этого я для него была «подсобным работником» в группе его коллеги и товарища Всеволода Бельковича.

Впоследствии, я поняла отношение А.В. к служебному использованию дельфинов. В своих воспоминаниях, продиктованных Екатерине Чистяковой, он пишет: «Я ушел в сторону. Мне не хотелось заниматься оборонными вещами, хотя конечно прямо я об этом не говорил - это был бы крест на любой карьере».

Яблоков в 70-е годы посвящает свои исследования морским млекопитающим, всесторонне изучая биологию каждого вида и исследуя внутривидовую изменчивость биологических показателей. Капитальной сводкой по китообразным стала монография «Киты и дельфины» (1972), написанная А. В. Яблоковым, В.М. Бельковичем, В.И. Борисовым и группой привлеченных исследователей (Г. А. Клевезаль, Н. Л. Крушинская, Э. М. Смирин, Г. Пиллери, С. Д. Делямуре). В 1974 г. монография была издана в США и до сих пор считается одним из более полных обзоров биологии китообразных. А.В. Яблоков тогда предложил мне принять участие в монографии «Киты и дельфины» – написать главу «Поведение». Я с удовольствием согласилась, поскольку меня увлекали работы этологов и особенно проблемы социальных отношений в животном мире, чему я в дальнейшем и посвятила свои исследования, но уже не на дельфинах.

После возвращения из экспедиции на Командорские острова, где с Ириной Дмитриевой мы изучали поведение морских котиков на лежбище, Алексей Владимирович позвал меня в кабинет и сказал: «хочешь, чтобы я тебя перевел в старшие научные сотрудники, тогда пиши книгу о поведении морских млекопитающих». Старшим научным мне давно пора было быть, а писать книгу было страшно, я все-таки не была большим специалистом в этой области. Книгу пришлось написать и не за звание, а из интереса. В 1983г. в издательстве «Наука» вышла книга «Поведение морских млекопитающих», написанная мною в соавторстве с Т.Ю. Лисицыной. Ей принадлежит вторая часть книги – поведение ластоногих. Первая часть книги, написанная мною, и посвященная поведению китообразных, была переведена на английский язык и вышла в сборнике Исследование китообразных под редакцией Г. Пиллери в 1986 г. Алексей Владимирович был рад, что я осилила этот труд, он всегда был опорой и поддержкой в моей работе. Поскольку мои этологические исследования не вписывались в русло главного морфогенетического направления исследований в Институте, я не

чувствовала себя там уверенно. А.В. с интересом следил за моими небольшими успехами и радовался удачам. Алексей Владимирович всегда проявлял интерес к работам своих сотрудников, не давал стоять на одном месте, работать должны были творчески и продуктивно. На регулярно проводимых коллоквиумах мы были всегда в курсе работ своих коллег, проходили бурные обсуждения. В лаборатории А.В. сумел создать хороший климат взаимного доверия и доброжелательности. Яблоков прикладывал много усилий к расширению связей сотрудников лаборатории с иностранными коллегами. При любой возможности А.В. отправлял нас в заграничные командировки. Для меня особенно плодотворным оказался многолетний творческий контакт с Институтом исследования млекопитающих ПАН в Беловеже, директором которого был ведущий польской зоолог, обаятельный человек профессор, член-корреспондент ПАН Здислав Пуцек. У меня остались самые радостные воспоминания о работе в Беловежской Пуще. Между многими сотрудниками нашей лаборатории и Института исследования млекопитающих ПАН сохранились самые теплые дружеские отношения на многие годы.

На протяжении периода интенсивного изучения морфологии морских и других видов млекопитающих Яблоков большое внимание уделяет структуре их популяций и внутривидовой изменчивости. В 1966г. он публикует монографию «Изменчивость млекопитающих». В монографии им проанализированы данные по изменчивости многих систем организма млекопитающих всех отрядов, описаны подходы к ее изучению и закономерности проявлений. Область своих исследований Яблоков определил термином «популяционная морфология». В 1978г. за разработку проблем популяционной морфологии А.В. Яблоков был удостоен премии РАН им. А.Н. Северцова.

Направив внимание на основные направления своих исследований: сравнительная морфология и популяционная биология, Яблоков продолжает уделять огромное внимание проблемам охраны ~~живой~~ природы. Горячие выступления Яблокова, публикации, посвященные охране живой природы, ~~такие как~~ его книга «Охрана живой природы: проблемы и перспективы», написанная в соавторстве с С.А. Остроумовым (1983г.) привлекли внимание вице-президента АН СССР академика А.Л. Яншина. А.Л. Яншин стал активно участвовать в борьбе за сохранение окружающей людей живой природы.

Вместе с Яншиным, активным защитником природы писателем Сергеем Залыгиным и другими деятелями науки и культуры Яблоков принимает активное участие в общественном сопротивлении реализации безумных планов различных институтов природопользования: переброски части стока северных и сибирских рек на юг. Они выступают против проекта строительства канала Волга-Чограй, инициированного Минводхозом, который планировал прорыть огромный канал от Волги через Калмыкию в Чограйское водохранилище с тем, чтобы по пути орошать калмыцкие степи. Проект стоил огромные деньги. Под руководством академика А.Л. Яншина и благодаря активным действиям эколога А.В. Яблокова удалось показать, что воды канала, проходя через Прикаспийскую засоленную низменность, принесут в засушливые Калмыцкие земли только соленую воду. При этом, запланированный канал должен был забрать полтора-два кубокилометра воды из Волги. После долгой борьбы строительство канала «Волга-Чограй» в 1988г. было приостановлено.

Проводимая пропаганда и активное противостояние научной общественности во главе с вице-президентом Академии наук СССР А. Л. Яншиным стимулировали выступления широкой общественности против строительства канала «Волга-Чограй». На митинг вышло больше трехсот тысяч человек. Эти события – наглядное свидетельство того что, объединившись, люди могут противостоять разрушительным действиям чиновников, наделенных властью.

Совместно с академиком М.С. Гиляровым А.В. Яблоков формулирует общие задачи исследований в области охраны животного мира (1981г). В сводке «Охрана живой природы: проблемы и перспективы» (А.В. Яблоков, С.А. Остроумовым, 1983; перевод на английский язык 1991) и в «Словаре терминов и понятий, связанных с охраной живой природы» (Н.Ф. Реймерс, А.В. Яблоков, 1983) были сформулированы теоретические основы охраны живой природы, например, принцип сосуществования человека с богатым животным миром и принцип перехода от промысла к хозяйству.

Беспощадную борьбу А. В. Яблоков начал против проекта «Химизация сельского хозяйства». Правительство искало выход из кризисной ситуации с сельским хозяйством. Повысить урожайность и решить продовольственные проблемы надеялись с помощью внесения в почву химических удобрений. Большие надежды возлагались в частности Н.С. Хрущевым, на использование

в сельском хозяйстве пестицидов. После ряда протестующих выступлений А.В. Яблокова в отношении применения пестицидов, по поручению Общего собрания АН СССР он подготовил доклад для Президиума АН СССР «О недооценке отрицательных последствий применения пестицидов и о важности разработки иных путей развития сельского хозяйства» 1988г. Позже этот доклад был опубликован в виде брошюры «для служебного пользования». А.В. Яблоков публикует ряд статей по экологизации сельского хозяйства в научных и научно-политических изданиях, включая журнал КПСС «Коммунист». Эти материалы были обобщены в сводке: А. В. Яблоков «Ядовитая приправа: Проблемы применения ядохимикатов в сельском хозяйстве». На общем собрании Академии наук в 1986г. Яблоков резко выступил против доклада вице-президента АН СССР Овчинникова, одобрявшего разработку и внедрение пестицидов в сельское хозяйство, сказав: «пестициды – это страшно опасная вещь, с ними нельзя обращаться так, как это делается на практике». Это выступление А. В. дорого ему обошлось, ведь он, член партии, публично выступал против правительственных постановлений.

Приведу личный пример воздействия на сознание граждан, занимающихся садоводством на своих дачных участках, открытых публикаций в Интернете, касающихся вреда применения пестицидов.

Работая в лаборатории А. В. Яблокова, нам, его сотрудникам, приходилось включаться в проблемы охраны природы. Мне было поручено написать обзор о влиянии загрязнения северных морей на состояние здоровья обитающих там морских млекопитающих. Этот обзор был помещен в Интернете. Однажды весной моя соседка по даче начала опрыскивать ядохимикатами свою яблоню рядом с моим огородом. От моих предостережений она только отмахнулась: «химикаты не вредны, их все применяют, и никто еще не умер». Пришлось сказать, что я работаю в лаборатории известного в стране эколога академика Яблокова, по поручению которого поместила в Интернете статью, о том, как много гибнет тюленей и дельфинов в морях, загрязненных пестицидами. Моя соседка некоторое время со мной не разговаривала. Но однажды она стала опять приветливой и перестала поливать яблони химией. Оказалось, что она прочла мою статью в Интернете. Пропаганда – великое дело, если она направлена на добро!

Проблемы охраны живой природы продолжали волновать Алексея Яблокова. Он вновь и вновь возвращается к проблемам, охраны и сохранения крупных китообразных. С особой трепетностью Яблоков относился к серым китам. Он становится членом Международной группы экспертов по их сохранению. Историю спасения серых китов у побережья Сахалинских островов А.В. Яблоков рассказал в беседе с корреспондентом журнала «Наука и религия» Н. Лесковой. Известно, что серые киты размножаются в мексиканских лагунах и мигрируют на Чукотку и к Сахалинским островам, где находятся их основные кормовые угодья. Питаются они в прибрежных водах моллюсками и ракообразными. На глубине 40-50 метров они вспахивают ил нижней челюстью, отцеживают попавшихся моллюсков и ракообразных, и проглатывают их. Сто лет тому назад серых китов в этом районе нещадно выбивали охотники и их практически там не осталось. В связи с запретом охоты на крупных китов поголовье серых китов постепенно стало восстанавливаться. Но с началом добычи в 70-х годах в этих районах нефти на шельфе Сахалина сошлись интересы нефтедобывающих компаний и серых китов. Там, где должен был быть проложен нефтепровод, находились китовые пастбища, где кормились самки с детенышами. Экологам пришлось спасать положение. Д. Лисицын, сотрудник «Экологической вахты Сахалина, опубликовал заметку в лондонской газете «Financial Times» о том, что прокладка нефтепровода западными компаниями, грозит гибелью серым китам. Акции компаний сразу упали. Тогда они обратились во «Всемирный союз охраны природы», вице президентом и советником которого с 1978 г. был А. В. Яблоков, с вопросом, как сочетать их интересы с проблемами питания серых китов. Договорились – нефтяникам пришлось потратить 50 миллионов долларов, чтобы нефтепроводная труба обогнула китовые кормовые угодья. Киты сыты, и нефтяники не в обиде. Яблоков заключает свою беседу с журналисткой: «Значит можно совмещать аккуратное природопользование с сохранением биоразнообразия».

В конце 80-х и начале 90-х годов активная и напряженная борьба А. В. Яблокова за сохранение окружающей среды усиливается. В 1989 году А. В. Яблокова избирают народным депутатом СССР, он становится заместителем председателя Комитета по вопросам экологии и рационального использования ресурсов. В 1991 году Яблоков вступает в должность Государственного советника президента РФ по политике в области экологии

и охраны здоровья. Его напряженная политическая деятельность уже не может быть совместима с наукой. В 1989 г. он уходит с поста заведующего лабораторией постнатального онтогенеза и вместо себя оставляет своего ученика В. М. Захарова. Неутомимая борьба Яблокова за экологическую безопасность и сохранение биоразнообразия на Земле будет продолжаться до конца его жизни.

Однажды, в разговоре с Борисом Вепринцевым я высказала что-то неодобрительное по поводу безудержной и иногда неправомочной политической деятельности А. В. Яблокова в области экологии. Борис мне ответил: «Ты просто не понимаешь, как велик его труд в деле охраны природы».

Последние годы жизни А. В. Яблоков проводил много времени на своей даче в Рязанской области в д. Петрушково. Он очень любил свое «имение» и много с радостью о нем рассказывал. Восхищался окружающей природой, ежами и белками, живущими около дома. Как люди деятельные, они с женой Дильбар, купив, как он говорит, за смешные деньги, несколько гектаров земли, с увлечением занимались насаждением парка, куда уже пересажено около 300 яблонь, выращенных из семечек! В беседе с И. Блоковым, директором программы Гринпис, Алексей Владимирович сказал: «Мечтаю, чтобы после меня осталось что-то вроде докучаевских дубрав».

Борис Николаевич Вепринцев в 1964 г. переехал в г. Пущино в Научный центр биологических исследований АН СССР. В Пущино в начале 60-х годов был создан Институт биофизических исследований и Б. Н. Вепринцев стал заведовать в нём лабораторией биофизики нервной клетки. Для переезда в Пущинский центр, где в отличие от первоначального плана, не было ни достаточно благоустроенного жилья, ни оборудованных лабораторий, нужен был особый склад нервной системы, чтобы на это решиться. У Б. Н. энтузиазма и решимости было в избытке, и он, не думая о последствиях, уехал в Пущино. Последствия не заставили себя ждать, мы с Борисом развелись.

Б. Н. Вепринцев создал в лаборатории рабочий дружный коллектив. Он умел увлекать людей своими идеями. Его оптимизм, вера в свои начинания и умение преодолевать препятствия вселяли уверенность в окружающих его людей на первых этапах организации лаборатории. Так, он сумел уговорить

одну из самых работоспособных и талантливых своих сотрудниц, Екатерину Вульфийус, перейти из Почвенного института, где она уже работала, в его лабораторию и переехать жить в Пушкино. Из Латвии в Пушкино переехал после агитации Бориса его верный сотрудник Игорь Крастц, пришел в лабораторию Сергей Розанов. Б. Н. весь отдался организации работы в своей лаборатории. Первые два-три года мы еще жили на два дома; образовалась «челночная» семья западного современного образца. Наша дочь Катя третий и четвертый класс заканчивала в пушкинской школе, под присмотром Бориной тети, милейшей и добрейшей женщины Анны Михайловны. Естественно, мы вели общее хозяйство. Вскоре Борис объявил, что поскольку его зарплата выше, чем у его сотрудников, он ежемесячно будет выдавать на нужды лаборатории часть своего заработка. Мы безропотно согласились: надо так надо; пришлось ощутимо сократить семейный бюджет.

В Пушкино я стала свидетельницей физических приемов Бориса при защите окружающей среды от воздействия ядохимикатов. Как и полагалось, команда опрыскивала посаженные вдоль дороги липы хлорофосом; проходивший мимо Борис с яростью набросился на них и стал отнимать шланги, завязалась рукопашная схватка. Я с трудом уговорила Бориса уйти с поля битвы. Начинать надо было с их начальства. Включилась в защиту животных и наша дочь Катя. В школе создавалась бригада по борьбе с рыболовами браконьерами. Катя была в центре этого движения. Ребята атаковали рыбаков, как мелкие птички крупных хищников, им ведь не было еще и 10 лет! Я очень испугалась. Ведь обозленные рыболовы могли побить мелких правозащитников. Итак, династия Вепринцевых, защитников природы, включилась в активную борьбу за сохранение дивной природы в окрестностях Пушкино.

Пушкинская лаборатория была создана Борисом Вепринцевым согласно его принципу эффективно работающего коллектива: «первое, человек должен генерировать интересные идеи, создавая этим благоприятную почву для плодотворной экспериментальной работы; второе, человек – «сумасшедший трудяга», не вылезаящий из лаборатории; без этого экспериментальная работа может превратиться в рутинную работу». Действительно, лаборатория, созданная по этому принципу, трудилась с огромной отдачей.

Б. Н. Вепринцев продолжал развитие своих работ по изучению биофизики клетки, начатые на кафедре биофизики в МГУ. В 1971 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «О связи электрической активности нервной клетки с синтезом в ней РНК и роли клеточной мембраны в регулировании биосинтеза РНК в клетке». Изучение связи медиаторов и рецепторов, электрической активности и метаболизма, и других параметров функционирования нервных клеток диктовало необходимость создания новой современной аппаратуры для этих исследований. Скептики считали, что в наших условиях это практически невозможно. Вопреки неверию в успех Борис Николаевич с группой своих коллег начинает работу над созданием комплекса приборов для микроэлектронных и микрохирургических исследований клеток. Комплекс приборов был создан и запущен в серийное производство в Пущинском СКБ биологического приборостроения. Прибор не уступал по своим качествам зарубежным. В 1982 г. коллектив создателей приборов получил Государственную премию СССР.

Б. Н. Вепринцев никогда не мог остановиться на достигнутом, его занимали все новые и новые проблемы. Была мечта сохранять нервные клетки вне организма (*in vitro*), так чтобы между нейронами образовывались синаптические связи. На такой системе связанных между собой *in vitro* нейронов можно было бы изучать закономерности простейших нейронных сетей. Создание культуры нейронов *in vitro*, получение изолированных живых клеток с нативными свойствами оказалось очень трудной задачей, но и эта задача была решена.

Занимаясь чисто экспериментальным изучением биофизики нервных клеток, Б.Н. не оставлял всегда тревоживших его мыслей о катастрофически быстром исчезновении видов животных на Земле. В ходе работ над созданием культуры клеток и возможностей сохранения жизнеспособных изолированных клеток вне организма, у Бориса стали созревать идеи: криоконсервация клеток, несущих генетическую информацию; долговременное сохранение генетической информации; создание генетических банков исчезающих видов животных и растений. На первом совещании по консервации генетических ресурсов, состоявшемся в Пущине в 1975г., Б. Вепринцев впервые предложил создать банк глубоководнозамороженных половых и соматических клеток редких и исчезающих

видов. Создаваемые банки Б. Н. Вепринцев назвал «Ноев ковчег». Мысль о глубокой заморозке клеток возникла у Бориса Николаевича давно, еще в студенческие годы, когда он переводил для заработка книгу об опыте искусственного осеменения крупного рогатого скота замороженной спермой. Большое впечатление на него оказала широко известная еще в 40-х годах книга П. Ю. Шмита «Анабиоз».

В 1978 г. в Ашхабаде на 14-ой ассамблее МСОП (Международного союза охраны природы и естественных ресурсов) Б.Н. выступил с программой «Консервация генома». Председатель МСОП, сэр Питер Скотт, предложил создать международную группу «Консервация генома», председателем которой был избран Вепринцев и оставался на этом посту в течение 12 лет. Но ни на одном заседании этой рабочей группы Борис Николаевич не смог присутствовать – разрешение на выезд ему не давали, он был «невыездной».

Программа криоконсервации была разработана Б.Н. Вепринцевым вместе с Н. Н. Ротт, сотрудницей Института биологии развития им. Н. К. Кольцова АН СССР, и опубликована в 1979 г в журнале «Nature». В программе были поставлены задачи: обеспечить сохранение генетической информации вида в условиях сверхнизких температур, обеспечить восстановление живых организмов из замороженных клеток, интродуцировать восстановленные виды в биоценозы.

Для реализации этой захватывающей воображение программы, и казавшейся многим неосуществимой, в 1988г. в Пущине была создана новая лаборатория, которую возглавил Б. Н. Вепринцев. Идея Бориса Николаевича о создании генетических банков не получила должной поддержки среди отечественных ученых зоологов и эмбриологов. Борьба за реализацию этой программы продолжалась многие годы. Преодолеть неприятия этой идеи со временем удалось – убедили успехи мировой науки и коллектива, возглавляемого Борисом Вепринцевым. За годы существования этого коллектива были разработаны способы криоконсервирования половых клеток и зародышей ряда видов лабораторных и диких животных, заложены основы создания генетических криобанков. В 1989 г. была утверждена программа по низкотемпературному генетическому банку промысловых и редких видов рыб и беспозвоночных, финансируемая Минрыбхозом. Утверждена программа по низкотемпературному банку исчезающих

растений, финансируемая Международным фондом за выживание и развития человечества.

В годы горбачевской перестройки весной 1989г. Борис Николаевич, наконец, смог на три месяца выехать за границу. В Англии он впервые встретился с членами Международной комиссии по криоконсервации генома редких видов, возглавляемой им заочно. Его попросили очно возглавить комиссию. Но и этому не суждено было осуществиться, Борис Николаевич умер спустя несколько месяцев, после поездки.

Параллельно с работой по сохранению генофонда Б. Н. с прежней страстью отдается записи голосов птиц. Его целью было записать голоса птиц в различных регионах страны. Из экспедиций 1976–1986гг он привез записи голосов Приамурского края, Амурской области, Камчатки, Чукотки, Командорских островов, Северо-Западного Казахстана, Кавказского заповедника. Постоянным участником и помощником в этих трудных поездках был любитель-орнитолог, ученый секретарь Музея изобразительных искусств им. Пушкина В. В. Леонович. В экспедицию на Командорские острова с Борисом Николаевичем ездил его друг С. Э. Шноль. Заветной мечтой Бориса было создание фонотеки голосов животных в Пушине и это ему удалось благодаря его умению преодолевать все трудности, умение увлекать людей своими идеями. Пушинская фонотека была создана с помощью таких же энтузиастов, как он. На 2012 г. она насчитывала записи около 4000 видов животных земного шара.

С 1967 по 1970 Б. Н. выполнял почетные обязанности вице-президента Международной биоакустической ассоциации, в 1984 он стал членом Британского биоакустического общества. Не имея возможности выезжать за границу, он сохранял активные деловые связи со многими зарубежными орнитологами. Б. Н. Вепринцев был в числе активных организаторов XVIII Международного орнитологического конгресса, проведенного в Москве в 1982 г. В 1989 г., когда наконец Б. Н. впервые смог выехать в Англию, его доклад в Кембридже о проведенной многолетней работе по записи голосов животных был встречен долгими аплодисментами. Б. Н. в 1990 г. собирался в экспедицию в Монголию, но тяжелая болезнь помешала осуществлению этой поездки. Б.Н. оказался в больнице. После тяжелой операции он обратился с письмом к проходившему в январе 1990 г. Всемирному форуму по защите окружающей среды в целях выживания, участником которого он

должен был быть. Полностью это письмо опубликовано в книге С. Э. Шноля «Герои, злодеи и конформисты российской науки» 2000 г. Приведу несколько выдержек из этого обращения Бориса Николаевича: «Дорогие друзья, волею судеб я оказался на операционном столе и не могу быть среди вас. Но проблема, которая стоит перед нами, превосходит по важности все мыслимые проблемы, стоящие перед человечеством. Чудо природы, чудо космической эволюции, чудо Земли с ее водой, зелеными силуэтами листьев невероятной красоты животными и даже люди стоят на грани уничтожения... Где выход? Как он может быть осуществлен? Мы, имевшие счастье общаться с сэром Питером Скоттом, принцем Филиппом, Алексеем Яблоковым, Эндрю Хаксли и другими выдающимися людьми видим три пути: 1. Сохранение основных естественных экосистем в их нативном состоянии, полностью исключенными из хозяйственного, культурного и научного освоения. 2. Разведение растений и животных в условиях неволи. 3. Низкотемпературный генетический банк зародышевых клеток животных и растений. Современные методы крио консервации биологии развития дают надежные гарантии сохранения многих редчайших видов геномов в этом Ноевом ковчеге XX в. И воскрешения из них полноценных редчайших животных».

Заключает Б.Н. Вепринцев свое послание словами: «Мы должны быть мудрыми и добрыми». Письмо было зачитано на заседании Всемирного форума П. Д. Бжестовским, бывшим учеником Бориса Николаевича. Умер Борис Николаевич 11 апреля 1990 года.

Алексей Владимирович Яблоков ушел из жизни 10 января 2017 года после тяжелой, продолжительной болезни. Находясь в больнице в течение долгих месяцев, он до последних дней не прекращал работать; его не покидали мысли о сохранении природы, охране здоровья людей, праве человека жить в чистой среде и за это бороться. К нему в больницу приходили коллеги, политики, журналисты, с которыми он обсуждал вопросы, касающиеся этих, глубоко волновавших его проблем. Последним опубликованным трудом А.В. Яблокова была, вышедшая в 2016 году объемистая книга (написанная в соавторстве с В.Б. и А.В. Нестеренко и Н.Е. Преображенской) – «Чернобыль: последствия Катастрофы для человека и природы», в которой скрупулёзно собраны данные за все 30 лет, прошедших со дня катастрофы.

А. В. Яблоков и Б. Н. Вепринцев – невероятно яркие, богатые натуры – оба были одержимы благородной идеей сохранения природы на Земле и воплощая ее в жизнь, были энергичны, деятельны и неутомимы. Многим при этом казалось, что их кипучая деятельность сродни борьбе Дон Кихота с ветряными мельницами. Широта натуры Яблокова и Вепринцева не укладывалась в общепринятые рамки. Такие люди не всегда удобны в сообществах обычных людей, их часто не понимают, но именно такие личности, фанатично преданные своему делу, способны изменять жизнь к лучшему. «Широка русская душа, надо бы сузить» считает Ф. М. Достоевский. А надо ли ее сужать? Хочется перефразировать слова Н. В. Гоголя, сказанные им, правда, в другом контексте: «мир задремал бы без таких людей, плесенью и тиной покрылись бы души...».